

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

ФУБОУ ВО «СПбГУ»

С. В. Микушев

2021 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Ермаковой Лии Леонидовны «Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Почти необозримое по объему и исключительное по жанровому разнообразию многоязычное наследие Вячеслава Иванова становится в последние десятилетия предметом деятельной и разносторонней филологической работы в России и за границей. Пожалуй, можно говорить о своеобразном «ивановедческом» ренессансе, выделяющемся даже на фоне активного изучения других ключевых фигур русской культуры начала XX в.: одно за другим появляются научные комментированные издания произведений Иванова и тома его переписки, библиографии и описания архивных фондов, монографии, сборники статей и труды конференций. Одним из важнейших центров ивановедения стал в XXI в. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), и представленная диссертация Лии Леонидовны Ермаковой с полным основанием может считаться ярким и убедительным вкладом в формирующуюся на наших глазах исследовательскую традицию.

Работа Лии Леонидовны посвящена корпусу переводов Вяч. Иванова из Эсхила и состоит из введения, четырех глав, заключения и двух приложений. Во введении с необходимой полнотой и во всеоружии литературно-теоретических знаний обоснованы объект, цели, задачи и методы исследования, его актуальность и новизна. Сразу же скажем, что и та, и другая представляются нам безусловными: достаточно сказать, что удовлетворительного научного издания ивановских переводов Эсхила до сих пор не существует, и диссертация Лии Леонидовны предлагает к такому изданию полноценные пролегомены. Кроме того, как мы надеемся показать ниже, диссертация представляет собой оригинальный и важный вклад в такие области знания, как изучение античной рецепции в России начала XX в., историю русского стихотворного перевода, лексикологию и метрику.

Первый раздел работы озаглавлен «История и текстология» (главы 1–3). Главному переводческому труду Иванова решительно не повезло: так и не опубликованные при жизни несмотря на многочисленные попытки, его переводы трагедий Эсхила были изданы только в 1989 г. по несовершенным источникам и со множеством ошибок и упущений, на которые указывали в своих статьях Я. М. Боровский и Н. Н. Казанский. В результате скрупулезной архивной и текстологической работы Лия Леонидовна впервые с необходимой полнотой описывает все источники текста ивановских переводов Эсхила, устанавливает датировку и происхождение каждого из них при помощи тонких палеографических, текстологических и биографических наблюдений, наконец, обосновывает, какой именно источник должен быть взят за основу при научной публикации текста каждой трагедии; для этой цели привлекаются многочисленные архивные материалы – от неизданной переписки Иванова до регистрационных карточек издательства Сабашниковых. Столь же подробно разбирается история публикаций переводов и их отдельных частей – от отрывков в хрестоматии Ф. Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости» (1920) до уже упомянутого тома «Литературных памятников» 1989 г. Проделанный

Лией Леонидовной текстологический анализ не только убедителен, но и (что встречается куда реже) увлекателен и способен принести пользу не одним лишь издателям ивановского наследия: к примеру, филологически поучительна демонстрация принципов редакторской правки, которой подвергали перевод Иванова, на прямо противоположных стилистических основаниях, Ф. Ф. Зелинский и Н. Ф. Дератани, а эпизод с последовательным вымарыванием слова «кремль» из текста «Агамемнона» в издании 1950 г. (где, к примеру, «рухнул вражий кремль» переправлялось на «пал врагов оплот») служит эффективным примером литературных нравов советской эпохи. Перечислить все остроумные наблюдения Лии Леонидовны невозможно; для примера укажем лишь на интереснейшую вставную новеллу, посвященную ивановской орфографии: после реформы 1918 г. он перешел на новое правописание, однако сохранял фиту, причем несколько раз теоретически обосновывал свою «влюбленность в престарелую фиту» в письмах и набросках предисловий (между прочим, согласно недавнему наблюдению Д. В. Сичиनावы, точно так же выглядит в алконостовском издании 1919 г. текст «Катилины» Блока). В других главах этого раздела Лия Леонидовна на основе каталогов библиотеки Иванова и внимательного сличения греческого текста Эсхила с переводами устанавливает те издания, которые Иванов положил в основу своей работы, а также кратко описывает предшествующую историю русских версий Эсхила – от Мерзлякова и Кюхельбекера до Апфельрота и Мережковского.

Во втором разделе, «Символы и понятия» (главы 1–4), Лия Леонидовна переходит от археографических и текстологических материй к анализу лексико-семантических полей, теории перевода и истории античной религии – и выясняется, что в этих областях знания она чувствует себя столь же уверенно. Излишне говорить, что автор диссертации, дипломированный филолог-классик, прекрасно разбирается в сложнейшем эсхилевском тексте и многовековой истории его изучения; так, в работе к месту и непринужденно привлекаются данные микенской археологии или законы образования

древнегреческих композитов. В первой главе Лия Леонидовна обращает внимание на неоднократные упоминания двойного топора («обоюдоострой секиры») в переводах Иванова из «Орестеи», не находящие соответствия в оригинале, и связывает их с ивановской концепцией дионисийства, в которой лабрису была уготована центральная роль. Эти места разбираются детально и компетентно, с экскурсами как в эсхилловскую филологию XIX – начала XX вв., так и в антиковедческие штудии Иванова; то, как русский поэт и мыслитель задним числом «вчитывает» в Эсхила собственные религиоведческие построения, продемонстрировано в работе с полной убедительностью. Две следующие главы посвящены семантическим полям «греха» и «судьбы»: выбор именно этих концептов неслучаен, поскольку широкое использование Ивановым соответствующих лексем, часто вопреки оригиналу, связано, как показывает диссертантка, с его религиозной философией и оригинальной интерпретацией греческой культуры. Наконец, в четвертой главе исследуются анахронистические христианские коннотации, которые Иванов осознанно придает языку своих переводов, употребляя такие библеизмы, как «лицо земли», «страстной», «богоотступник» и т. п.

Здесь мы позволим себе одно замечание, никоим образом не опровергающее построений Лии Леонидовны, но скорее указывающее на дополнительные интерпретационные возможности. Частота, с которой Иванов в переводе прибегает к слову *грех* (а также *рок*, который обсуждается в другой главе этого же раздела), может быть связана не только с попыткой придать эсхилловскому тексту христианское звучание, но и с вообще необычайно высокой концентрацией односложных слов в переводах Иванова из Эсхила и Зелинского из Софокла, особенно в лирических партиях. Эту тенденцию (не находящую никакой опоры в греческих оригиналах) отмечает

в недавней статье А. К. Гаврилов,¹ остроумно связывая ее со стремлением Иванова и Зелинского, паладинов «славянского Возрождения», проникнуть к глубинным, первоначальным уровням языка, к «корневому письму». На наш взгляд, этому есть и другое обоснование, может быть, более приземленное. Переводя трагиков, Иванов и Зелинский стремились «точно» передавать стихотворный размер лирических партий – что для них означало постановку ударений там, где в немецких метрических схемах начала XX в. обозначались икты, т. е., фактически, на всех долгих слогах оригинала. Это заставляло постоянно ставить ударения то через слог, то даже на двух соседних слогах, а значит, неизбежно вело к искусственному отбору коротких и особенно односложных слов. Неслучайно многие (хотя и не все) примеры на употребление *греха* и *рока* в ивановских переводах, приводимые Лией Леонидовной, взяты именно из лирических партий и сопровождаются другими моносиллабами в сочетании с бессоюзием, так что звучат похоже на Маяковского или Цветаеву (напр., «Что здесь не грех? Всё – грех»; «Кары пир! Кровь за кровь! Грех цветет из рода в род!»; «Лемносский грех – всем грехам грех, молвь идет...»; «Злой укор... Видит грех, видит казнь»; «Мать убить – нет греха, прав Орест»; и т. д.). Укажем в этой связи на один знаменитый пример из переводческой практики Иванова (специально пародировавшийся футуристами – Алексеем Крученых и Иваном Аксеновым), где эта установка доведена до последнего предела. Это фрагмент гимна Терпандра к Зевсу, написанный сплошь спондеями – а значит, согласно принципам Иванова, русская эквиритмическая версия должна была состоять только из ударных слогов, т. е. сплошь из односложных слов. Так он и перевел: «Зевс, ты всех дел верх, / Зевс, ты всех дел вождь! / Ты будь сих слов царь, / Ты правь мой гимн, Зевс», – хотя в

¹ Гаврилов А. К. Русский Серебряный век и мечты о Славянском Возрождении // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.: Сб. к 85-летию Б. В. Ананьича. СПб., 2017. С. 579–585.

оригинале моносиллабов только два и вообще никакой искусственности в отборе лексики не ощущается. Неудивительно поэтому, что, согласно приведенным в диссертации подсчетам, переводы Ф. Ф. Зелинского из Софокла дают даже большую концентрацию слова *грех*, чем ивановские переводы из Эсхила (55 случаев на 7 трагедий), а переводы Анненского из Еврипида – напротив, в три раза меньшую (45 случаев, но на 18 трагедий): ведь Анненский, в отличие от Иванова и Зелинского, как правило не стремился к эквиритмической передаче хоровых партий. Отметим, впрочем, что в одном месте Лия Леонидовна сама отмечает важность метрического критерия при отборе лексики (с. 109: «Трудно сказать, в каких случаях Вяч. Иванов переводит *átē* как ‘Рок’, а в каких ‘Ата’, но этот выбор мог быть обусловлен метрически»).

Третий раздел, «Стиль», посвящен анализу двусоставных композитов в переводах Иванова, а также лексических и звуковых повторов. Лия Леонидовна привлекает для сопоставления другие переводы Эсхила от старых до современных, в статистических таблицах обсчитывает огромный по объему материал, вдается в теорию древнегреческого и русского словообразования и стилистики. В результате наши представления не только о «переводческой кухне» Иванова, но и о его поэтическом языке оказываются существенно обогащенными.

Наконец, четвертый раздел, «Метр», открывает в авторе диссертации новые исследовательские дарования – уверенно ступая на почву сравнительного стиховедения, Лия Леонидовна описывает структуру ивановского шестистопного ямба, уточняя и дополняя классическое исследование М. Л. Гаспарова «Античный триметр и русский ямб». Далее анализируются способы передачи лирических размеров: в этой сфере Иванов был безусловным новатором, оказавшим влияние на метрику не только переводов из древних, но и оригинальной русской поэзии. В этом разделе Лия Леонидовна вновь проделывает заслуживающую особого уважения колоссальную статистическую работу, обсчитывая по разным метрическим

параметрам не только переводы Иванова и его коллег-соперников, но и оригинал эсхиловских трагедий.

Работу сопровождают ценные приложения, которые представляют во всей полноте материал, проанализированный в третьем разделе: «Двусоставные слова в переводах Вяч. Иванова из Эсхила» и «Рифмы и гомеотелевты в переводах Вяч. Иванова из Эсхила».

Библиография диссертации (272 позиции) не только богата и обширна, но и представляет собой набор точно подобранных филологических инструментов: в зависимости от стоящих перед ней проблем Лия Леонидовна свободно привлекает к делу и важнейшие (английские и немецкие) комментированные издания пьес Эсхила, и специальные лингвистические монографии о древнегреческих композитах или об аллитерации у афинских трагиков, и справочники по иконографии античных божеств, и научные словари древнегреческого и древнееврейского языка, и, конечно, весь огромный массив ученой литературы о Иванове. Поэтому те очень немногочисленные добавления, которые мы хотели бы предложить, не столько указывают на упущения Лии Леонидовны, сколько вызваны желанием посоревноваться с ней в библиографическом рвении. Так, развиваемое Ивановым в «Дионисе и прадиионисийстве» представление о Ликурге как о фракийском божестве (с. 66) почти наверняка восходит к статье О. Хёфера и А. Раппа «Lykurgos» в лексиконе Рошера (1897), который был настольной книгой Иванова-исследователя; а этимологическую связь между лабрисом и лабиринтом, с соответствующими мифологическими обобщениями, впервые постулировал незадолго до Иванова Максимилиан Майер.² В примечание 336 на с. 121, дающее обзор литературы об ивановском понимании катарсиса, возможно, стоило добавить книгу М. М. Позднева «Психология искусства: Учение Аристотеля» (М.; СПб., 2010), где концепция катарсиса в «Дионисе и прадиионисийстве» Иванова обсуждается

² Mayer M. Mykenische Beiträge II: Zur mykenischen Tracht und Kultur // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1892. Bd 7. S. 189 ff.

подробно, критично и в контексте международных классико-филологических дискуссий эпохи (см. с. 541–544, 563–568 и др.). По необходимости кратко касаясь античных понятий *Μοῖρα* и *Ατα*, Лия Леонидовна ссылается на соответствующие классические работы историков греческой религии (Э. Р. Доддса, М. П. Нильсона и др.); на наш взгляд, то же можно было сделать и применительно к терминам *Μιασμα*, *Γιβρις* и *Γαμартия*, благо о каждом из них существует по монографии.³

Наконец, имея в виду чрезвычайно желательное и, надеемся, неизбежное превращение диссертации в книгу или в развернутый комментарий к новому изданию ивановских переводов из Эсхила, отметим несколько мелочей. На с. 44 Лия Леонидовна указывает, что при публикации отрывков из «Эвменид» в хрестоматии Ф. Ф. Зелинского «Греческая литература эпохи независимости» (1920) стих Иванова «Устав начальный древних Мойр» превратился в «Устав начальный древних Мир», и констатирует: «в стихе 391 “Эвменид” у Зелинского точно опечатка». Между тем *Μира* здесь – то же самое, что *Μοῖρα*, только в рейхлиновском произношении: именно такое написание этого слова практиковал Зелинский в собственных религиоведческих трудах (см., напр.: «Зевс взвешивает на весах Мира судьбы людей и не может оказывать помощи обреченному Мирой человеку»)⁴. Таким образом, это не опечатка, а еще один случай редакторской правки Зелинского. Из фразы «Современники Иванова, переводившие греческих трагиков, а именно Д. С. Мережковский, Ф. Ф. Зелинский и И. Ф. Анненский, к рифме не прибегали» (с. 164) нужно исключить попавшее туда по случайному недосмотру имя Анненского, который в своих переводах из Еврипида регулярно зарифмовывал хоровые партии. В богато документированный раздел об античной иконографии эриний с двойными топорами в руках (с. 68–69), о которых Иванов писал в

³ Parker R. *Miasma*. Oxford, 1983; Fisher N. *Hybris*. Warminster, 1995; Lurie M. *Die Suche nach der Schuld*. Berlin, 2004.

⁴ Зелинский Ф. Ф. *Эллинская религия*. Минск, 2003. С. 122 (впервые – Пг., 1918).

«Дионисе и прадионисийстве» (Лия Леонидовна с блеском обнаруживает первоисточник этой искусствоведческой aberrации в монографии А. Розенберга 1874 г.), возможно, стоит добавить цитату из темного стихотворения Иванова «Adamantina proles» (1904), где, если мы не ошибаемся в идентификации, «девы с секирами» – это именно эринии.

Высказанные замечания не имеют сколько-нибудь существенного характера и ни в коей мере не заслоняют высоких достоинств представленной диссертации. Лия Леонидовна обнаруживает в ней высокую исследовательскую квалификацию, всестороннее знакомство с историей вопроса, глубину лингвистического и литературоведческого анализа, убедительность и оригинальность в выводах. Положения диссертации могут и должны быть использованы при подготовке академического собрания сочинений Вяч. Иванова, в трудах по рецепции античного наследия у авторов «серебряного века», по истории русской поэтической лексики и русского стиха.

Диссертация Л. Л. Ермаковой является полностью самостоятельным, законченным и значимым исследованием, выполненном на высоком научном уровне. Диссертантке удалось успешно решить поставленные во введении актуальные проблемы, связанные с текстологией и интерпретацией переводов Вяч. Иванова из Эсхила, ввести в научный оборот новые материалы (как архивные документы, так и ценные статистические выкладки). Положения, выносимые на защиту, обоснованы со всей полнотой источников и аргументации, так что не вызывают никаких возражений. Апробация результатов исследования проводилась с 2014 г. на конференциях в Петербурге, Смоленске и Иерусалиме; список работ по теме диссертации насчитывает 6 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат передает содержание диссертации и соответствует всем необходимым требованиям.

Диссертация Л. Л. Ермаковой «Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила», представленная на соискание ученой

степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература», полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук по этой специальности, утвержденным Постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Лия Леонидовна Ермакова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, доцентом кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета Всеволодом Владимировичем Зельченко.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Протокол № 4 от 3 декабря 2021 г.

Заведующий кафедрой классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент Елена Владимировна Желтова

ПОДПИСЬ РУКИ Желтовой Е. В.

УДОСТОВЕРЯЮ Веруш. Смир.

Смирнов В. В. Смирнов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

Телефон: +7 (812) 328–20–00

Электронная почта: spbu@spbu.ru

Сайт: <http://spbu.ru>